

12. Ingarden R. O dziele literackim. Badania z pogranicza ontologii, teorii języka i filozofii literatury. Przekładu dokonała M. Turowicz / R. Ingarden. – Warszawa : PWN, 1988. – 496 s.
13. Tyszczyk A. Czechowicz i miasto / A. Tyszczyk // Czytanie Czechowicza. Redakcja P. Próchniak, J. Korciński. – Lublin : KUL, 2003. – S. 55–74.

Анотація

У статті проаналізовано функціональну подібність на осі *intentio operis – intentio lectoris*. Представлено інтерпретаційні моделі міста-як-тексту на матеріалі твору Ю. Чеховича “Поема про місто Люблін”.

Ключові слова: місто-як-текст, місто-палімпсест, місто-скрипт.

Аннотация

В статье проанализировано функциональное подобие на линии *intentio operis – intentio lectoris*. Представлены интерпретационные модели города-как-текста на материале произведения Ю. Чеховича “Поэма о городе Люблин”.

Ключевые слова: город-как-текст, город-скрипт, город-палимпсест.

Summary

In the article functional similarity is analysed on line *intentio operis – intentio lectoris*. The interpretation models of city-as-text presented on material “*Poem* about The *City* of *Lublin*” written by Józef Czechowicz.

Keywords: city-as-text; city-script; city-palimpsest.

УДК 821.163.4106–31.09

Бурцева Ж.В.,

кандидат филологических наук,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской Академии наук

КОНЦЕПТ ГОРОДА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЯКУТСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Изучение города-текста, города-знака, города-символа, во всей совокупности их интерпретаций, представляет собой актуальную литературоведческую проблему. “Каждый город – это вариант мифологической системы, это объяснение мира, которое можно передать и в словесно выраженном тексте. А город есть визуально выраженный текст” [1, 57]. Как известно, в русской литературе “петербургский текст” стал практически живой легендой, городом, накопившим невероятное количество разнообразных толкований, мифов, ассоциаций. Петербург как самый таинственный и мистический город достоин такого богатого содержания, продолжения сотворений мифов о нем, однако было бы также интересным проследить язык других городов. Якутск как литературный герой специально не рассматривался в якутском литературоведении, но его понимание необходимо для решения многих важных вопросов якутской истории, культуры, национального самосознания.

Образ провинциального сибирского города Якутска имеет давнюю литературную традицию, поскольку его изображению посвящены многие произведения ссыльных декабристов, классиков русской литературы, по разным причинам посетивших город. Художественное воплощение Якутска как неотъемлемой части хронотопа Сибири может служить отдельной темой исследования. Представление Сибири как другой земли (не России) в литературе зародилось с момента появления первых произведений о Зауралье, особенно выпукло это прослеживается в хронотопе Сибири как места ссылки. По В.И. Тюпа, уже в первом литературном памятнике, созданном в 1672–1673 гг., запечатлевшим на своих страницах образ Сибири – “Житие протопопа Аввакума, им самим написанное”, нашла отражение антитеза “Сибирь – Россия (Русь)”. “Отношение к сибирским окраинам даже среди самих сибиряков было полярным: от представления, что “Сибирь – та же Русь” до абсолютизации “самобытности” Сибири и формирования здесь особой “русско-сибирской народности”” [2, 19–20].

Сложный этнический состав региона стал лейтмотивом многих произведений о Сибири. “История предоставила нам в условиях Сибири, пожалуй, самый необыкновенный шанс: во встрече культур разного происхождения – сибирской, азиатской, европейской – возможность их органического сплава, возникновения неповторимого поля для творческой деятельности людей разных культурных миров” [3, 3]. Культура Сибири оценивается как вариант российской культуры, отличающийся от центрального по самым разным критериям. Самобытность литературы Сибири как культурной модели подтверждается и фактом использования в литературоведческом обиходе особой терминологии, такой как “литературная традиция Сибири”, “сибирский текст”, “сибирский писатель”, “мифологемы образа Сибири”, “русскоязычная литература Сибири” и т.д. Суть сибирской литературы как явления определяется не только пространственно-географическими, геополитическими, идейно-тематическими, временными факторами, но и особенной, не повторяющей “центральную” картиной мира.

Фактор взаимодействия как основной для развития литературной культуры Сибири осмысливается сегодня с разных сторон. Так, например, условия возникновения и качественные характеристики русскоязычной сибирской литературы позволяют проводить сравнительно-типологические аналогии с особенностями латиноамериканских или североамериканских литератур. Объединяющим фактором служат “трансграничность” этих культурных ареалов, кросскультурные процессы, которые выступают основанием для формирования новой культурной идентичности, рожденной в диалоге и ориентированной на диалог.

Понятие “идентичности” в литературоведческих исследованиях иногда употребляют в качестве синонима “самосознания” или “самоопределения”. Категория идентичности позволяет осмыслить литературоведческую проблематику как социокультурный институт, в целостности с окружающим философским и культурным контекстом. По мнению М.В. Заковоротной [4, 7], проблема идентичности в литературе формируется теми же процессами, что и любая другая

идентичность, но претворенными в художественном сознании. Законы же художественного сознания эксплицируются в текстах, знаках, кодах, символах, которые подлежат интерпретации как нарративные, т.е. повествовательные. По П. Рикеру, повествовательная идентичность – такая форма идентичности, “к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности” [5, 4].

В XX в. активное изучение нарратива привело к формированию большого количества его разнообразных теорий, из которых можно выделить общее определение для большинства [6]. Нарратив представляет собой универсальную характеристику культуры в том смысле, что нет ни одной культуры, в которой отсутствовали бы те или иные его виды. Все культуры аккумулируют и транслируют собственный опыт и системы смыслов посредством различных повествований, запечатленных в мифах, легендах, сказках, эпосе, романах, драмах, историях, рассказах, анекдотах и т.д. Поэтому способность быть носителем определенной культуры неотделима от знания ключевых для данной культуры повествований.

Так, например, национальная идентичность в теориях Х. Бхабха выступает как форма нарратива и перформанса [7], т.е. создаваемого нацией коллективного повествования, представления о самих себе и “других”. Национальный нарратив, по мнению Х. Бхабха, всегда прерывается, оспаривается наличием и вмешательством других нарративов. Поэтому исследователь обращает особое внимание на национальную идентичность, строящуюся на границах, в пространстве “за пределами” гомогенной культуры или “в промежутке (зазоре)” между различными культурами. Следовательно, понимание национальной идентичности невозможно без исследования того, что было вытеснено из национального нарратива.

Одним из направлений научного поиска в этом ключе российского литературоведения является формирование концепции Вл.А. Лукова о “взаимоотражении литератур мира”. Понимание диалога культур в этом случае вытекает из тезаурусного подхода в литературоведческой науке, при этом “тезаурус” структурирован таким образом, что в центре его находится “свое”, а на периферии – “чужое”, а на границе – особая мембрана, пропускающая любую информацию через призму “своего – чужого”. Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть освоено и сделано своим. В этом смысле взаимоотражение литератур представляет собой взаимодействие двух тезаурусов, ту форму, которую приобретает их диалог и последствия этого диалога.

Ситуация пограничья в Сибири как “пространство встречи” разнородных смысловых потоков находит свое непосредственное выражение и в художественном творчестве. На первый план среди факторов, обуславливающих развитие якутской русскоязычной литературы, выступает фактор взаимодействия двух литературных и культурных традиций в динамике. В силу своей специфики поэтическое творчество дает широкие возможности для репрезентации способов самовыражения. Для поэзии наиболее характерно самоуглубление в себя, самопознание через взгляд на окружающий мир. Проблема поиска идентичности выявляется на жанрово-стилевом, ментальном, проблемно-тематическом уровнях поэтики художественного текста. Так,

в якутской русскоязычной поэзии именно концепт города является одним из средств репрезентации экзистенциальных философских проблем, воплощает поиски самоопределения, дилемму дома и внедомности.

В поэзии Айсена Дойду образ города Якутска как источник ассоциаций и смыслов приобретает особое звучание. Стихотворение “Якутск” ориентировано на метафорическое восприятие парадоксальных оппозиций, оксюморонных сочетаний, выстраивающихся за противопоставлением.

*Мой забытый, опальный Якутск,
город “серый и скучный”,
город добрых начал
и обычных печальных концов.
Кто поможет тебе?
Кто спасет твое ветхое древо?
Город-сон, город-явь,
город первой любви и последних надежд...*

Образ Якутска представляет собой не просто географический объект, не просто родной город, а мера познания, испытание, даже живое существо. Якутск показан не только в историческом времени, как древний и современный город, но в большей степени – как многомерное пространство: город – миф, город – память, город – ассоциации. В его описание включаются метаморфозы на границе “своего” и “чужого”, соединяются противоречивые разнородные смыслы: города – сна, города – яви, города – старика, города – солнце, города – души, города – тени, города – боли, города – калеки, города – провинции.

Для поэта важен мотив несовпадения культурно-национального архетипа родного города Якутска с его настоящей действительностью. Стихотворение датируется 15 апреля 1992 г. – переходным временем вопросов и поисков, кризиса идеалов. Прекрасный родной город – мечта превращается в отчужденный искалеченный город – тень, т.е. в город – призрак, где все ненастоящее и искусственное. Любой художественный текст – это текстуализация реальности, и в этом случае взгляд поэта на город служит выражением болевых точек окружающего мира.

<i>Это город под Северной Синею Звездой, город сказок и песен, чабыргахов, преданий, город чистого первого снега, город свадеб и “ярмонков” шумных, город церквей и соборов,</i>	<i>город праздничных звонов: день-день-дом! Но... Но разбито, убито, забыто, “нету их боле” – пусто, ноль... Что сейчас? Город-тень, город-боль...</i>
--	--

С одной стороны, образ города Якутска реалистичен, он имеет свою сложную и противоречивую судьбу, с другой стороны, он становится иллюзией, “моделью” симуляции. Воображаемый мир подлинного Якутска, города – души, превращается в гиперреальность, а образ настоящего города – в симулякр. В литературоведении подобный прием объясняется следующим образом: когда действительность перестает быть тем, чем она была, ностальгия приобретает новый смысл. Так, образ города проходит следующие фазы:

1) отражает реальную действительность. Исходный принцип репрезентации Якутска заключается в представлении его как реального места – “родины” и “дома”;

2) маскирует и искажает реальную действительность. Образ Якутска предстает как “зло” и нет больше такого места, как “дом”;

3) маскирует отсутствие действительности. В третьем случае образ города уже не истинен и не ложен. Якутск – это пограничное мироощущение, в котором не бывает ровного существования, это постоянное балансирование “между” и “на границе”;

4) не имеет никакого отношения к действительности: он превращается в собственное подобие. В результате мы становимся свидетелями того, что образ Якутска превращается в миф, так как увеличивается тоска по настоящему, живому опыту:

*Прощай, мой Якуць,
Деревянный Якутск, Дьокуускай!
город-калека, город-провинция,
город властями верховными списанный,
город любимый, последний, единственный!*

В метафорическом изображении хаоса Айсен Дойду вновь избирает образ города, оказывающего насильственное, мистическое, наркотическое воздействие города на человека. В стихотворении “Город” город отождествляется с образами “красивого хозяина-диктатора”, “великого щедрого чудища”, что вызвано глобальной проблемой отрыва человека от земли и природы, отсутствием корней.

*и не шепот не шепот
не шелест листвы
а шу-шу-шу чешуи ядовитых химер...*

А. Дойду описывает соблазны и пороки города, поддавшись которым, человек гибнет морально или физически. Последствия от столкновения с городом оказываются трагичными и непоправимыми, воплощается мотив невозможности их преодоления, обозначается самая “болевая точка” современности – образ человека обезличивается. Таким образом, город может быть интерпретирован как образ “грешной земли”, в вакууме которой человек теряет свою идентичность и становится “призраком” и “страхом” в собственном доме.

Среди тем и ситуаций в поэтическом мироощущении А. Дойду концепция одиночества занимает особое место. Автором даже создается метафора “формулы” человеческого столкновения с миром “Союз одиноких сердец, или СОС”. Одиночество описывается не просто как бытовая, интимная, социальная, психологическая ситуация, но как экзистенциальная проблема, что отражает наиболее характерный для “рубежной” эпохи постмодернизма тип взаимоотношений человека с миром. В этом смысле для поэзии А. Дойду характерно ощущение “внедомности”, особенно сильно проявившееся в онтологическом осмыслении города, толкающего человека на край, на бездну, на порог. Человек, заброшенный в нелепый мир, в город-хаос, лишается убежища “дома”, закономерно попадает в состояние “нигдежности”.

Оригинально осмысливается поэтом тема провинциальности, подчеркнутая провинциальностью сюжетов и описанных персонажей. Так, стихотворение “Последний” посвящено условно обозначенному образу “чукчи”. С одной стороны, в восприятии “цивилизованного” человека образ чукчи соотнесен с иронической аллегорией “дикости” и “чужеродности”. С другой стороны, в тексте поэта образ чукчи амбивалентен, поскольку представлен органичной “частицей” естественной среды обитания:

*Я – чукча.
Я ем сырое мясо (должно быть я еще дикарь).
Я пью сырую воду из ручья
и воздухом дышу чистейшим (не загазованным еще).
... Я чайкой белоперой восхищаюсь – сестрой моей крылатой
(пока еще живой).*

Данный образ служит выражением определенного мироотношения, устанавливающего нерасторжимую связь с природной средой обитания, интуитивного способа восприятия действительности. “Дикарь” на краю земли соотносится с природным субстратом, так как представляет собой безобидное неискушенное существо, мыслится как персонификация мифологемы границы.

Город как урбанистическая разрушительная стихия порой отрывает человека от своих “корней”, от природы, которая в принципе должна быть более естественной средой для человека. В стихотворениях “Прошлое” и “Не уйди” поэт описывает “возвращение” лирического героя на родную землю, где происходит обретение утраченной гармонии, ощущения будущности.

<i>Оставив город в глупой суете, Я возвращаюсь к прежним берегам, Отдавшись светлой, благостной мечте, Вхожу в Зеленый Вечный храм.</i>	<i>В Дойду! Иду на голос белой птицы, Все дальше – в глубь родных мест; Вот озеро, что очень часто снится, Знакомый с детства лес. Я чувствую – здесь родина моя ...</i>
---	--

Тема “центра” и “периферии” в поэтическом творчестве часто предстает в таком смысле, когда герой из внеположенности и отчуждения в городской уродливой среде находит свою идентичность в прошлом на лоне земли. В художественной концепции А. Дойду образ “дойду” (что в переводе с якутского означает “родина”) выступает как средство национальной культурной самоидентификации. Есть ощущение, что поэт воспринимает образ “дойду” как свою культурную почву.

*В прошлом – топот и бег белогривых коней,
Громкий смех и счастливые лица друзей;
В прошлом – птицы бесшумно к закату летят,
И зимой на столе ярко свечи горят...*

У Алексея Михайлова также есть два стихотворения, в которых город Якутск изображается во времени и пространстве, в столкновении прошлого с настоящим, при этом воспоминание о прошлом составляет единственно видимую линию будущего. В стихотворении “Якутску” в стиле народно-поэтической традиции утверждается гармоничный светлый образ города из детства. В другом

стихотворении, посвященном городу, возникает смысловая оппозиция, эмоционально-психологическая параллель, когда в изображении любимого города жестокая реальность вступает в конфликт с чувствами поэта.

*В прошлом:
Вижу я зданий
твоих очертанья.
Слышу я рокот
твоей старины
В строгих кварталах,
в горах Верхоянья,
Где бы я ни был,
снишься все чаще...*

*В “настоящем”:
Город обоссан
собаками и мужиками.
Город обоссан
таксистами и торгашами.
...В лоне твоём
родился первый мой стих.
Чурочных прежних
улиц моих не осталось...*

Поэтически красноречиво предстают в творчестве А. Михайлова два “контрастных” языка, русский и якутский, “как белый конь и черный конь в одной упряжке”. Эта “упряжка” не может не влиять на модель мышления и восприятия первичной и вторичной языковой и культурной картины мира. Автор одновременно является “переводчиком” культурных кодов родной культуры на язык другой. Одна из первых книг поэта “*Стая белых журавлей*” (1976) гостеприимно открывается приглашением: “*Приходите, я Вас жду...*”. В первом стихотворении “*В небе спелая звезда*” продуктивным средством художественного выражения национального самосознания является идиллическая зарисовка родного деревенского домика, хотя автор, как известно, родился в городе Якутске. В живописном описании предметов якутского народного быта и искусства проглядывает восторженное любование поэта тем, что предстало перед его глазами. Показателен выбор поэтом определенных языковых единиц (сэргэ, хомус, олонхо), актуализирующих такие важные для якутской языковой картины мира смыслы, как вековые ценности национальной духовной культуры. С одной стороны, стихотворение представляет собой “частную систему” образно-стилистических средств русского общенационального языка, с другой стороны, из-за транскультурных элементов в художественном тексте возникает собственная “кодовая система” (Ю.М. Лотман), которую читатель должен дешифровать, чтобы понять символические смыслы, связанные с народной культурой. “Воссозданная” жизненная картинка выявляет мифопоэтический подтекст, имеющий и временное измерение, связывающий прошлое и настоящее. Фольклорная эстетика образа родного дома – это, по существу, микромодель мира, воплощающая нравственно-мировоззренческие истоки этнической культуры, этнопсихологические представления народа.

Творчество А. Михайлова в якутской русскоязычной литературе представляет линию “дома”. Образ “дома” имеет традиционную символику. В славянской и якутской народной культуре дом всегда противопоставлен внешнему, чужому миру и служит устойчивым символом защищенного от хаоса пространства. В его стихах не раз выплывал из реки памяти образ родного города из детства, с его маленькими, узкими улочками, деревянными тротуарами и чурочной мостовой. Стихотворения “*У человека быть должна река*”, “*На берегу*

Амги”, “Якутску” несут в себе одну из центральных для поэта мыслей, связанную с чувством дома, родины, размышлениями о жизненном пути.

Образ города Якутска в творчестве поэта Софрона Осипова служит также своеобразным измерением, но городом, отражающим настроения рубежной эпохи, одиночество, несовершенство, косное движение провинциальной жизни. В мрачных строках, посвященных Якутску, сквозит горечь и острая боль за непростительно брошенную “окраину”: *“Но тебе за окраину эту неловко,/ точно ты ее бросил на произвол?”*.

Образ “земли-матери” воссоздается в стихотворении *“Прими мя в лоно, мать или земля!”* в качестве художественной формы исповедального обращения к “земле”, вопрошающей молитвы утратившего свой путь лирического героя. Через этот “крик души” лирический герой познает свою внутреннюю сущность: *“Не Авель я – и Каином не стал!”*. Строки лирического монолога аккумулируют мучительную попытку исчезнуть в лоне земли по причине трагизма земной ноши, одной из уродливых черт которой является вражда и *“братьев по крови”*, и *“братьев по духу”*.

*И голос мой не властен больше мне
Вот он кривится в зеркале, хохочет
и боль моя не знает чего хочет...*

Отчаяние лирического героя достигает высокой точки напряжения, когда он вместе с призывом не делить “море” или “право на просторе”, значит и “землю”, а делить “горе”, заключает, что уже слишком *“поздно бить в набат”*. Образ земли в данном случае не связан с общераспространенным мотивом жизнотворяющей силы земли, родственной связи человека и его почвы. В литературной традиции, как правило, лирический герой в момент душевной грусти взывает к родной земле как символу элегической гармонии. У С. Осипова лоно земли *“сумрачно и сыро”* и не сопряжено с иллюзией достижения душевного равновесия.

*Прими мя в лоно, мать или земля!
Я говорю тебе: как в мире сирю...
Я говорю тебе: как в мире серю...
Прими мя в лоно сумрачно и сыро,
уставшего молясь или моля.*

В поэтическом сборнике “Текущий век” (1992) С. Осипов выразил свое отношение к переломному XX веку: *“я выпал из обоймы, я не попал в струю”*. Весь сборник звучит в горькой тональности столкновения со временем, в котором человек неизбежно попадает в социальный хаос и общественный плен. Те или иные написанные с резким сарказмом или даже откровенной яростью строки запечатлели в себе порыв не принадлежать к какой-то одной правде, позиции, культуре, традиции, а сопрягать их все внутри себя. Творчество С. Осипова ориентировано на создание воображаемого топоса альтернативной реальности, не имеющей ничего общего с якутской действительностью, охарактеризовано желанием выйти из системы привычных координат. В развернутом виде хронотоп путешествия по разным мифокультурным парадигмам реализуется в сборнике с символическим названием *“Северо – Юг”*:

*И снятся мне все не места родные,
а города иные...*

Проблема “дома и внемности” в литературе пограничья приобретает многозначный и сложный смысл, один из которых заключается в философско-психологическом измерении “дома”, как вопроса идентификации. Нередко прослеживается мотив “отрицания идентичности” или ее определение от противного. Понятие “дома” интерпретируется авторами как психологическое измерение в ряде стихотворений, посвященных хронотопу города. Если творчество А. Михайлова еще утверждает романтический эстетический идеал, то последующие поколения поэтов (А. Дойду, С. Осипов, А. Муран и поэты литературного объединения “Белая лошадь”) отвергают традиционные представления о гармоничном мире. Восприятие действительности получает постмодернистское осмысление, ставится проблема раздробленности, дискретности человеческой жизни, мучительного поиска ориентиров самоидентификации человека, глобальных обобщений о современной эпохе. Происходит кодирование трагической реальности знаками рубежа веков, среди которых важное место занимает концепт города. За всем этим стоит моделирование путей выхода из разнообразных кризисных ситуаций современной жизни, связанных и с личными, и с культурно-историческими потрясениями.

Литература

1. Курганов Е. Мифология города и художественный текст / Е. Курганов // Курганов Е. Анекдот. Символ. Миф : Этюды по теории литературы. – СПб. : Изд-во журнала Звезда, 2002. – 128 с.
2. Шахеров В. П. Взаимодействие цивилизаций как фактор формирования социо-культурного пространства Азиатской России / В. П. Шахеров // Сибирь : взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : междунар. науч. конф., [г. Иркутск, 24–26 сентября 2004 г.] – Иркутск : НБ ИГУ, 2004. – С. 19–20.
3. Матющенко В. И. Древняя история Сибири : учебн. пособие / В. И. Матющенко. – Омск : Изд-во ФГУП СО РАН, 1999. – С. 3.
4. Заковоротная М. В. Идентичность человека : социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВС, 1999. – 200 с.
5. Рикер П. Герменевтика, этика, политика / П. Рикер. – М. : Academia, 1995. – С. 4.
6. Шмид М. Нарратология / М. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
7. Акция перформанса представляет собой короткое авангардное представление, исполняемое одним или несколькими участниками; представляющее публике живые композиции с символическими атрибутами, жестами и позами.

Аннотация

Данная статья посвящена выявлению особенностей изображения концепта города в якутской русскоязычной поэзии, который является продуктивным средством репрезентации экзистенциальных философских проблем, воплощает поиски самоопределения, дилемму дома и внемности. Якутск как литературный герой специально не рассматривался в якутском литературоведении, но его понимание необходимо для решения многих важных вопросов якутской истории, культуры, национального самосознания.

Ключевые слова: концепт, город, культура.

Анотація

Дана стаття присвячена виявленню особливостей зображення концепту міста в якутській російськомовній поезії, який є продуктивним засобом репрезентації екзистенційних філософських проблем, втілює пошуки самовизначення, дилему будинку й позадомності. Якутськ як літературний герой спеціально не розглядався в якутському літературознавстві, але його розуміння необхідне для вирішення багатьох важливих питань якутської історії, культури, національної самосвідомості.

Ключові слова: концепт, місто, культура.

Summary

This article focuses on identifying features of the image concept city of Yakutsk in Russian poetry which is a productive way of representing existential philosophical problems, embodies the search for self-determination dilemma at home and vnedomnosti. Yakutsk as a literary hero is not specifically addressed in the Yakut literary criticism, but his understanding of the need to address many important issues Yakut history, culture and national identity.

Keywords: concept, city, culture.

УДК 821.162.1–1

Hnidiuk J.,
doktorant,
Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II
(Lublin, Poland)

OBRAZ LUBLINA W TWÓRCZOŚCI POETÓW LUBELSKICH

Każde miasto ma swoich lepszych lub gorszych poetów, którzy opiewają jego uroki i tak też jest w przypadku Lublina. Oczywiście najbardziej znanym z lubelskich twórców pozostaje Józef Czechowicz. Od dzieciństwa związany z Lublinem poświęcił mu w swojej twórczości wiele uwagi. Wyrazem tego zainteresowania i fascynacji są szkice zawarte w tomie prozy *Koń rydzy*, a także utwory poetyckie, które później złożyły się na *Poemat o mieście Lublinie* i w zamyśle poety stanowiły materiał do audycji radiowej. Wiersze połączone poetycką prozą, a każdy z nich jak kolejny krok w wędrówce przez rodzinne miasto. Choć głównymi obiektami mojego zainteresowania w tym artykule będą poeci współcześnie piszący o Lublinie, to jednak rozpocznę właśnie od Czechowicza, który okazał się najwybitniejszym głosicielem uroków koziego grodu. Nie zamierzam dokonywać kolejnej analizy *Poematu*, chcę jednak wskazać cechy charakterystyczne dla miejskiej poezji Czechowicza (np. powiązania z Awangardą Krakowską), opierając się głównie właśnie na *Poemacie* i kilku innych utworach. Tadeusz Kłak we wstępie do swojej książki *Czechowicz – mity i magia* pisze tak:

Nie ulega wątpliwości, że Czechowicz solidaryzował się z awangardą, ponieważ tak jak on, walczyła o nowy autonomiczny kształt poezji. [...] ale awangarda krakowska nigdy nie uznała Czechowicza za swego i jeśli nawet akceptowała jego awangardyzm, to uważała go za awangardyzm skażony, heretycki, odstępczy. [...] Mimo to nie można odgradzać całkowicie Czechowicza od związków z awangardą. Zbyt wiele jej zawdzięczał, zbyt wyraźnie jej poetyka narzuciła mu surowe rygory zwięzłości. Ale też